

експир... Что значит это имя? А все, что угодно. Как и имя — Гомер. «Мой Шекспир», «мой Гомер» — можно и так мыслить, говорить и писать, создавая такого Шекспира-Гомера, какой нужен, близок, интересен именно тебе, а не кому-то другому.

Если же серьезно, то Шекспир — это просто гений. Гений всех времен и народов. Если угодно, «гений как таковой», гений в своем естественном виде и состоянии всеобщего кумира, которому поклоняются все, но которого каждый понимает по-своему...

Увы, такая уж у гениев судьба. По крайней мере, судьба посмертная.

А какая судьба была у Шекспира при его жизни, мы не знаем. И даже не знаем, кем он был. И даже не знаем «окончательно и бесспоротно», написал ли он свои творения действительно сам или за него их написали...

Этот прискорбный факт от имени и творчества Шекспира неотделим. Но зато — так интереснее. Можно предполагать и фантазировать, создавать и разгадывать тайны и загадки вокруг «шекспировского канона» до бесконечности или до умопомрачения...

Шекспироведение предоставляет шекспироведам полную свободу для ошеломляющих догадок и головокружительных интерпретаций, которым нет и не может быть ни меры, ни границ. Потому как и сам Шекспир — известная и неизвестная величина одновременно. И недостижимый гений, и загадочное «пустое место» в одном лице и в «одном флаконе».

И, открыв книгу Натальи Гранцевой «Герои России под маской Шекспира»¹, вы можете в этом «взаправду» убедиться. Это, прямо скажем, неожиданная и ошеломляющая книга.

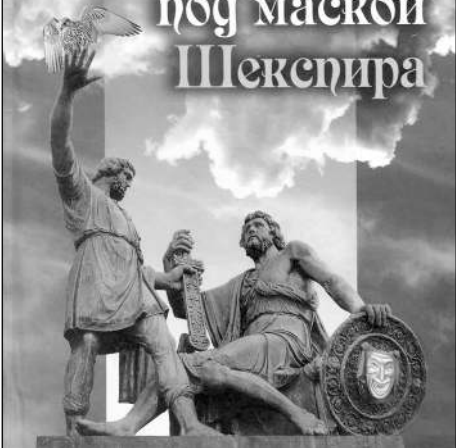
Тайны шекспироведения разгадываются в ней, как тайны сочинений детективного жанра, как ребусы, характерные для хитроумной детективно-авантюрной литературы.

Вот как разгадана, например, автором книги тайна истинного содержания «Ромео и Джульетты», этой классической истории романтической любви и при-

¹ Наталья Гранцева. Герои России под маской Шекспира. СПб.: Союз писателей СПб, 2015. — 368 с., ил.

Наталья Гранцева

ГЕРОИ РОССИИ ПОД МАСКОЙ ШЕКСПИРА

знающего шедевра Шекспира: «Джюльетта выходит замуж за любимого, которым оказывается Парис (учитесь искусству вызывать нужное чувство у девушек!). Ромео-поэт в качестве компенсации за наследство Монтекки получает приличное «отступное», что позволяет ему, неконкурентоспособному, уйти с рынка земельной собственности и заняться развитием своих дарований в другой сфере».

Вот так-то! Все, что происходит «на поверхности» пьесы, только камуфляж для отвода глаз. Ни Ромео, ни Джульетта не погибли. Да и любви-то между ними толком не было. Ни романтической, ни какой-то другой. Был бизнес и хитро-сплетения деловых интересов: «Герцог, услышав от старика Монтекки, что сын его влюблен в племянницу Капулетти, возможность брака между ними отверг. Это было ему невыгодно с экономической точки зрения. Конечно, не стоило труда

«устранить» юного Монтекки и законно после смерти его родителей забрать их собственность... Но убийство — слишком дорогая цена. Гораздо экономичней было «облагодетельствовать» талантливую юношу: оплатить его обучение в магистратуре Мантуи, прельстить его духовной карьерой и принятием обета безбрачия, сделать навеки обязанным...»

История мафиозного или полумафиозного бизнеса, со всеми приличествующими ему свойствами, и рядом история банальных сердечных поползновений и вожделений молодых людей в самом известном классическом произведении великого Шекспира запросто заступают на место возвышенной любви...

Как это такое может быть? Как почитатели Шекспира могли веками заблуждаться насчет истинного содержания «Ромео и Джульетты»?

А вот как: «Факты таковы. Снотворное Лоренцо должно было «умертвить» Джульетту за 42 часа... Стражник, обнаруживший еще теплое тело Джульетты, говорит, что схоронили ее два дня назад. Два дня назад — это во ВТОРНИК?

Но этого не может быть, так как мертвой ее обнаружили только в среду, перед свадьбой...

Значит, действие у склепа происходит в ПЯТНИЦУ? Но тогда между принятием снотворного и «пробуждением» проходит более 42 часов!.. Если действие происходит в ПЯТНИЦУ, то в склепе уже давно никого нет! **ВСЕ ДАВНО ПРОСНУЛИСЬ!**»

В таком же духе разгадывается в книге «Герои России под маской Шекспира» и вечная правда шекспировской пьесы «Отелло»: «Мы видим Семью, где по законам мафиозной группировки главой, «крестным отцом» является Дож... Это — патриарх рода. У него есть два сына — Брабанцио и Грациано. У Брабанцио — дочь Дездемона, у Грациано — сын Лодовико. Если дети поженятся, собственность останется у СЕМЬИ».

Однако планам мафиозного «крестного отца» мешает сбыться мавр. Он и вообще мешает: «На службе интересов этого клана оказывается некий чуждый элемент — он человек второго сорта, он груб и неотесан и вообще — **ЧЕРНЫЙ!**»

Опасный звёрь, поскольку не только недоразвит в культурном плане, но и потому, что он ВОЕНАЧАЛЬНИК (генерал)...»

Дездемона выходит замуж за Отелло только для устранения мавра. И сама Дездемона это прекрасно знает и понимает. Она — не жертва слепой и мучительной ревности, а агрессор в руках другого, еще большего мафиозного агрессора и кукловода, «крестного отца»: «Дождь как «крестный отец» клана знает, что его внуки — Дездемона и Лодовико — любят друг друга. Однако он видит, что контролируруемую территорию можно прирастить. Как? Выдать внучку за владельца Кипра, который из-за красавицы и торчит в венецианских гостиных, разглагольствуя о своих воинских подвигах... Там, на далеком Кипре, вдали от чужих глаз, законный владелец Кипра должен быть умерщвлен».

И на самом деле в финале пьесы не невинная Дездемона погибла от рук мавра, а сама она организовала убийство мужа — подговорила своих соратников и сподручных, как и было задумано заранее, убить Отелло! И план был осуществлен.

Читатели книги «Герои России под маской Шекспира», не говоря уже о записных шекспироведах, должным образом ошеломлены? Естественно. И в этом, вероятно, состояла одна из недекларированных целей книги — ошеломить и поразить всех, кого только можно.

Ромео и Джульетта, которые друг друга не особенно и любят (по крайней мере Джульетта) и вовсе не погибают.

Хищная Дездемона, которая сама убивает чужими руками законного мужа, Отелло...

Разве это не интригует? Еще как интригует! И вся книга Натальи Гранцевой именно такая — интригующая в высшей степени и «по высшему разряду».

Этим она, собственно, и интересна. Этим и привлекательна. Ведь что и говорить — смелости в выводах в рамках шекспироведения автору не занимать...

Эта необычная книга, столь серьезная на вид и при первом к ней прикосновении, полна, на наш взгляд, самого смелого литературного озорства. самого настоящего.

Автор провоцирует читателя не верить «внешнему» содержанию и смыслу творений Шекспира, которому ошибочно «поклонялись» веками, а играть в игру, что за ним, как за огромным расписным театральным занавесом, что-то уж такое скрыто, уж такое... И молодежи по крайней мере, естественно, ищущей во всем чего-нибудь «эдакого», способного и поразить, и озадачить, позиция и выводы автора могут очень и очень понравиться. А это уже немало.

Но есть в данной книге Натальи Гранцевой и отнюдь не «игровой» смысл. И есть у нее достаточно серьезная философская подоплека.

Дело в том, что содержание великих произведений искусства — всегда загадка. И однозначной разгадки у нее фактически не бывает.

Каждый новый читатель или интерпретатор приписывает этому выдающемуся произведению искусства, этому шедевру свой смысл. И бывает обычно прав, между прочим!

Прав потому, что однозначного содержания и смысла у великого произведения искусства и литературы и нет. И именно поэтому — оно и великое.

Вспомним хотя бы пушкинскую Татьяну из «Евгения Онегина». Ее осуждали как заурядную светскую женщину или пошлую светскую львицу (такой, какой она стала в финале пушкинского романа в стихах) и ее, наоборот, и с таким же успехом превозносили как идеал русской женщины, верной своей чести и своему избраннику, своему «суженому».

А как к Татьяне относился сам Пушкин? И что он хотел сказать и показать этим женским образом? Этого не знает никто. Или можно сказать несколько иначе — очень двойственно и двусмысленно относился Пушкин к своей Татьяне как

автор, настолько двойственно, что, по сути, и «почти никак» не относился, вложил в свой образ «нечто», что понимать и трактовать можно как угодно или как кому заблагорассудится.

Роман Якобсон даже ввел в свое время понятие особой «колебательности» пушкинских характеристик своих героев, имея в виду то, что они всегда как бы дwoятся, расплываются и роковым образом лишены какой бы то ни было ясности и однозначности.

То же самое можно сказать, в конечном счете, и о самих произведениях Пушкина и, конечно же, о самих (и всех, причем!) произведениях Шекспира. О Шекспире даже в большей мере это верно, чем о Пушкине — образ Шекспира и сам по себе крайне загадочен, непонятен.

А уж что Шекспир хотел сказать и подразумевал в своих произведениях — непонятно вдвойне, втройне и в иной, четвертой, пятой и т.д. степени.

Поэтому естественно и правомерно «подозревать» в содержании знаменитых пьес Шекспира самые, казалось бы, невысказанные смыслы... И потому с точки зрения «законной практики» шекспироведения книга Натальи Гранцевой — отнюдь не «противозаконна». Во многом она даже в русле традиций шекспироведения, требующих постоянно открывать и открывать еще «неизвестного» Шекспира.

Впрочем, естественно, вкус к детективному жанру и сюжетным загадкам-шарадам в духе авантюрной литературы в данной книге тоже присутствует. И это делает саму эту книгу Натальи Гранцевой «вкусной», очень читабельной.

Интригующего в действительно необычной книге «Герои России под маской Шекспира» воистину бескрайнее море. Как, например, ошеломляющая мысль о том, что реальное действие пьес Шекспира могло происходить и в России, да и сам Шекспир мог быть вовсе не чистокровным англичанином, а...

Но об этом мы уже ничего рассказывать не будем.

Чтобы все о книге Натальи Гранцевой «Герои России под маской Шекспира» узнать, надо эту книгу прочесть, а лучше — внимательно, вдумчиво изучить.

Это мы и советуем сделать всем читателям, всерьез интересующимся историей классики мировой литературы.

Сергей НОСОВ,
доктор филологических наук,
Санкт-Петербург

ДОСТОИН ЛУЧШЕЙ УЧАСТИ ПОЭТ

Обратим внимание: на обороте титула жанр книги Натальи Гранцевой «Неизвестный рыцарь России»² никак не обозначен. По тематике это, конечно же, монография. Автором выбрана научная проблема, предложена гипотеза, обусловленная тем, что талантливейший поэт XVIII века Михаил Херасков уже к середине XIX века выпал из сокровищницы национальной культуры. Не находится поэт и в поле зрения современных исследователей: гуманитариев, филологов, стилистов. «*И в течение двухсот лет на российских просторах не нашлось ни одного филолога, который потратил бы свое время на создание монографии, исследующей этот текст*» (с. 18). Речь идет о «Бахариане» М.М. Хераскова.

В книге Н.Гранцевой выстроена система контраргументов в защиту литературной чести и достоинства Михаила Хераскова, причем, что важно для неподготовленного восприятия (применительно к упомянутому лицу таковым оно, согласимся

² Н.А. Гранцева. Неизвестный рыцарь России. — СПб.: Изд-во «Журнал «Нева», 2015. 240 с.

Наталья Гранцева

Неизвестный РЫЦАРЬ РОССИИ

ся, у всех нас и является!) комментарий сопровождается обширным, щедрым цитированием стихотворных отрывков из 500-страничной «Бахарианы». В работе есть система отсылок к научной и учебной литературе, однако таких отсылок немного по упомянутой причине общенационального забвения творческого наследия М.М. Хераскова.

Вместе с тем именно потому, что автор Н.А. Гранцева вынуждена знакомить читателя с обширнейшим, повторим и подчеркнем, в 500 страниц, произведением — иначе доводы будут провисать, книга начинает напоминать учебное пособие. Подчиняющиеся сюжетной линии отрывки из текста перемежаются с пересказом хода дальнейших событий. Пересказ по главам регулярно оснащён авторскими комментариями, касающимися сюжетного движения. Что же касается цельного, совокупного авторского подхода, то он представлен рамочно в важнейших для восприятия начальной и заключительной главах книги. «Рамочно» — отнюдь не означает бегло, вкратце. Нет, здесь выстраивается концепция заслуг М.М. Хераскова перед отечественной литературой, концепция актуальная, в том числе и для самоидентификации языковой личности нашего современника-соотечественника.

Теоретические авторские постулаты даются с разнообразной, а потому привлекательной интонацией, что нечасто бывает в монографиях и чего начисто лишены учебники по литературе. Богатое и разнообразное авторское интонирование излагаемого включает в себя и ноту уважительности к судьбе и личности поэта, и ноту недоумения: «Почему поэты — Державин, Пушкин, Батюшков, Языков, Жуковский — любили и понимали поэзию Хераскова? И почему критики — Строев, Белинский, Дмитриев — не любили и не понимали» (с. 21). Тонкая ирония может смениться ярким призывом обратить внимание на уникальное творчество ныне забытого поэта.

К основному тексту даны два приложения, что характерно для монографических, особенно диссертационных опусов. Это фрагменты самого текста уже без комментариев для создания общей палитры идиостиля Михаила Хераскова, и это авторская, весьма яркая концепция про разгадку с детства знакомого нам «Лукоморья» в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Оказывается, в будто бы игровом посвящении запрятан образ Хераскова как создателя замечательных трудов, высоко ценимых современниками, но начисто забытых буквально по прошествии двух десятилетий. Более глубоким смыслом наполнятся и известные слова Жуковского в адрес юного Пушкина: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Вместе с тем в этой небольшой по объёму книге (240 стр.) есть и элементы трактата — давно забытого жанра, когда автор не скрывает своей позиции, более того, страстно защищает идею возвращения имени Хераскова в национальную память. Отсюда и стиль с риторическими подчас вопросами, приемом градации. Не избегает Н.А. Гранцева оценочных эпитетов, однако о противниках посмертной сла-

вы поэта, в частности о В.Г. Белинском, А.В. Запалове и некоторых других пишет хотя и остро, но достаточно корректно.

Если говорить о стиле монографии, то в части пересказа дальнейшего сюжета, впрочем, и в выстраивании теоретической части работы автор прибегает к современной лексике: *мастер-класс*, *функционеры*, *ноу-хау*. Прочитываем такие пассажи с вкраплениями современной лексики. *Поражал ее воображение чудесами архитектуры и ландшафтного дизайна... Конечно, профессиональные педагоги и функционеры высшей школы умели находить что-то полезное и интересное в импортных теориях — в том числе и масонских... <...> Сейчас мы бы сказали, что педагог Михаил Херасков проводил виртуальные мастер-классы... ..Прекрасную невинную героиню сопровождали рыцари Руслан, Ратмир, Рогдай, Фарлаф — интернациональная бригада...*

Риторический вопрос с ироничной цитацией может сменяться фактом словотворчества и использованием фразеологизма: *«А почему, «по всей вероятности», выбор не мог принадлежать Хераскову? / Как видим, традиция «новиковополонства» живет и здравствует вопреки логике и фактам!»* Легко запоминаются и авторские термины: *...Поэт [о Пушкине] нашел возможность применить такой прием, который мы называем «география в маске»* (с. 228).

Стиль автора монографии не чужд также использованию разговорных слов, так называемых коллоквиализмов. *«Бахариану» автор издал за свои кровные... Желают любить по своей воле и разлюбливать тоже; На что Неизвестный возразил, что пить за свое здоровье мужчинам неприлично; Она считала Злунга слабоком за его утливую любовь...*

Талант Н.Гранцевой проявляется еще вот в чем (поговорим теперь о цитации М.М. Хераскова). Сами цитаты из «Бахарианы» замечательно отобраны. Это не двустишья и не четверостишья, а по объему, что системно выдержано, это уровень небольших стихотворений, своей поэтической тканью заставляющих любоваться языком Михаила Хераскова, о богатстве, как сейчас говорят, «идиостилия» которого до знакомства с монографией как филолог я и не подозревала. Здесь и удачные эпитеты, и старинные несправедливо забытые слова, и афоризмы, а перед афоризмами — небольшие выразительные рассуждения. Право, некоторые афоризмы так и напрашиваются на запоминание и цитирование.

Что в наш век хорошим кажется, / Глупостью потомки назовут; / Оживив коня, иди, / К новому готовься бою; / Встреться в поле сам с собою, / Сам себя ты не щади; // Кто приучится к чему, / Трудно то забыть ему; / Сказка юность веселит, / Сказка старость утешает, / В ней незримый смысл сокрыт, / Смысл, который просвещает...

Кстати, легко заметить, как часто апеллирует поэт, как сейчас бы сказали, к концепту «честь». Мы прослеживали этот концепт в поэзии В.Ф. Раевского, проецируя на отечественную былинную традицию и на героический эпос иных культур, в частности на лезгинский эпос «Шарвили». Однако более двухсот лет назад и другие имена всенепременно касались в стихах заветного слова. Один писатель как-то сказал, что наша литература делится на литературу чести (Пушкин, Лермонтов) и литературу совести (Толстой, Достоевский). Оказывается, и задолго до Пушкина писателей волновали требования не только славы, но и чести. Попутно отметим, что, по наблюдениям Е.Н. Кондратенко (г. Курск), репрезентанты концептов «честь» и «нравственность» сейчас в число употребительных не входят. Употребительность их снижена. Но вернемся к цитатам из «Бахарианы».

Если руководствоваться триадой: когниция — эмоция — перцепция, то у Хераскова ярко представлен и перцептивный ряд. Так, зрительный модус может сменяться слуховым, потом может подключиться осязание.

Камни бьются, лес валится, / Пыль столбом в лесу крутится; / Треск ра-

зит, как гром, слух, / Буяра занимает дух; / Только вымолвить успел, / Зашумела туча стрел, / Пыль густая солнце скрыла, / Сила к силе приступила, / Копья и мечи звучат, / Стрелы сыплются, как град.

Художественность «Бахарианы» (а это 15 тысяч стихов) автором монографии полнокровно продемонстрирована самим подбором контекстов. Вчитываясь в них, понимаешь, замечаешь и содержательные блестящие моменты: красоту женщины: *Тихий свет в очах несет*; красоту мира природы (*жемчужной водой*), красоту рыцарства, хотя до сих пор считается, что проблемы России обусловлены во многом отсутствием института рыцарства.

«Существование рыцарства в Западной Европе имело огромное значение для ее развития. Этот институт сильно повлиял на появление и установление прав личности, на отношение к женщине, на создание и соблюдение правил цивилизованного ведения войны, на отношение к пленным. Очень многие особенности демократии в значительной степени идут оттуда. Можно даже сказать, что в какой-то степени основа современной правовой системы заложена именно тогда и благодаря рыцарству», — отмечают И. Данилевский и П. Уваров. Не исключено, что такие поэты, как Херасков и впоследствии Пушкин, чувствовали этот дефицит рыцарства и нередко обращались к самой идее рыцарства в изображении поступков своих героев. Правда, не все здесь плоско, и Н.А. Гранцева в другой своей работе образы рыцарей рассматривает не только в позитивном ключе (рыцарь — рейтар, наемник). Впрочем, идея рыцарства как доблести попала и в название книги.

Итак, мы начали с проблемы жанра, но плавно соскользнули на манеру подачи текстового материала — как цитатного, так и авторского. Однако язык и жанр находятся в отношениях весьма непростой, в чем-то даже противоречивой взаимной индукции. Язык может соответствовать стандартам жанра, а может не то чтобы разрушать, но вносить свои коррективы, предъявлять свои новые требования. В коллективном бессознательном — увы и ах! — затвердело мнение, что монография должна быть написана академично, то бишь скучно: отсылки и цитаты — побольше, анализируемого материала — поменьше. Не удивительно поэтому, что нередко монографии цитируют, вообще не читая, просто «ныряя» в поисках подходящей цитаты. Это наше утверждение не из разряда ностальгических по тем временам, когда не было ни Интернета, ни электронных корпусов, это из личного опыта как научного руководителя, рецензента, оппонента. Филолог должен быть наполнен текстами, насыщен, просветлен ими, теми же монографиями, но и монографии должны быть доступны восприятию, без терминовтворчества и пустословия.

Еще одна современная позиция касается жанра учебной литературы. Учебник как пересказ чужих трудов? Да. Пересказ, систематизированный в соответствии с учебным предметом? Да. Поэтому учебник нельзя даже назвать по-другому, скажем, нельзя на одно слово сократить заглавие.

И, наконец, самое печальное: в научном обществе закрепились альтернатива, если не сказать антагонизм фундаментальных исследований и исследований прикладных, хотя известно, что хорошая теория по определению уже практична. Если автор аргументированно и занимательно доказывает, что Михаил Херасков достоин лучшей участи и лучшей памяти, то в такой работе фундаментальность сопряжена с ярким социально-гуманитарным, то есть прикладным эффектом. Собственно, ради этой идеи мы и пишем рецензию. За рубежом научные книги *интересно* читать. Может быть, и нам следует поучиться писать интересные монографии? Вот почему мы склоняемся к мысли, что Наталья Анатольевна Гранцева представила книгу, которая и является монографией, посвященной такому неизвестному произведению Михаила Хераскова, как «Бахариана, или Неизвестный».

Уточним: в отечественной лингвистике есть когорта авторов, которые умеют писать и пишут и научно, и увлекательно. Другое дело, что ряды таких замечательных стилистов от науки должны множиться, почему мы и приветствуем рецензируемое издание.

Вот что в главе 4 «Первый литературный квест?» отмечает исследователь: «*Михаил Херасков сумел в преклонные свои годы создать не только увлекательное для юного сердца повествование, переполненное чудесами и превращениями, насыщенное изображением тонких душевных движений, характерных для подросткового сознания, — он сумел создать настоящую «педагогическую поэму» на тему «Что такое хорошо и что такое плохо», своеобразный учебник морально-нравственного совершенствования, предназначенный как для рядового школяра, так и для талантливого»* (с. 110). Выше мы уже упоминали, что в структуре языковой личности (исследование 2014 г.) концепт «нравственность» пребывает отнюдь не на вершине общеречевой иерархии. Как преподаватель с педагогическим стажем длительностью в полвека, Михаил Херасков приходит к выводу: «*назидать человека необходимо вплоть до дороги на кладбище! Конечно, эти назидания должны обретать разные формы, в том числе и художественные»* (с. 119). Поэт учит правильному чтению, проникновению в смысл художественного произведения, чем блестяще владел уже юный Пушкин, по достоинству, по высшему баллу оценивший предшественника.

Автор задает далеко не риторический вопрос (мы приводили его выше: почему поэты любили и понимали Хераскова, а критики не любили и не понимали?) и на следующей странице отвечает: «*Одно дело — Александр Петрович Сумароков, старший коллега Михаила Хераскова, пламенный борец с тиранией и сторонник цареубийств! Другое — Херасков, который в полном соответствии с воззрениями Платона считавший монархию лучшей формой правления и в одном из своих романов прямо заявлявший: «Горе тому народу, который, ужасаясь самодержавной власти единого человека, многим правителям общее блаженство веряет. На части расторгнутая власть есть образец расстроенного тела, у которого один член другому не может повиноваться...»*» (с. 22).

Однако получается и так: благонадежность и спокойное отношение к власти не только в России, но и в Европе препятствуют славе поэта ли, писателя. Так, не на слуху сейчас создатель исторических романов И.И. Лажечников, лояльно относившийся к властям. Вот и Михаил Херасков, скажем так, несколько поплатился за оценку самодержавия. Не пора ли социуму задуматься: всякий ли протест плодороден? И хотя по пословице рыба гниет с головы, однако не с себя ли, белого и пушистого, надо начинать корректировку бытия? Как сказал Херасков и что подчеркнуто в рецензируемой монографии: «*На прощание Старец велел Неизвестному иметь недремлющие очи. И более всего опасаться самого себя»* (с. 64).

Много внимания исследователь уделяет и проблеме масонства Хераскова, подчеркивая бездоказательность оценки поэта, которого считали едва ли не «главарем» масонской ложи. Масонство слишком закрытая тема, чтобы уверенно заявлять о масонстве весьма известного в те годы Михаила Хераскова (1733 — 1807).

А теперь отметим то, с чего надо было начать рецензию. Надо было предупредить, что по творчеству М.М. Хераскова это вторая крупная работа Н.А. Гранцевой, что первая книга вышла в 2012 году и была посвящена ключевому произведению М.М. Хераскова — первой национальной эпической поэме «Россиада». По существу тогда уже и была найдена и композиция текста с включением фрагментов произведения, и использован прием концентрации изложения в форме пересказа, и охарактеризованы труды современных исследователей и критиков далеких эпох, и заострена авторская позиция. Так же использован и биографический метод, о ценности которого сейчас все увереннее стали заявлять в гуманитарных

науках. Достаточно рельефно, по сквозной схеме: факт, объяснение, аргумент, комментарий автора — представлены примеры умышленной дискредитации поэта. Обе книги образуют содержательное, композиционное и стилистическое единство и обе работают на концепцию автора по защите чести и достоинства нашего выдающегося соотечественника Михаила Матвеевича Хераскова.

Процитируем из первой монографии самое начало 4-й главы: *«Сбросить великого поэта с корабля современности — излюбленная забава молодых русских литераторов, стремящихся попортить культурные ценности молодецкой удалью и самохвальством. В начале XX века призывали бросить за борт Пушкина, а столетием раньше — Михаила Хераскова»* (с. 76).

Задумаешься, идет ли это от российской ментальности: все или ничего, черное или белое, если не лучший — ату его! Или это следствие нашей громадной по сравнению с другими странами территории? Насыщенное талантами большое пространство взывает к иерархии великих имен, а иерархия обуславливает появление такого феномена, как «писатели второго ряда».

Книга Натальи Гранцевой «Неизвестный рыцарь России» учит как минимум двум вещам. Во-первых, бережному отношению к писателю через воспитание у потенциальных читателей, особенно молодых, самостоятельности мышления. А во-вторых, бережному отношению не только к главным текстам того или иного писателя, но и к другим его произведениям, которые в чем-то, в отдельных чертах могут и превосходить общепризнанные образцы.

Вера ХАРЧЕНКО,
доктор филологических наук,
Белгород

ЛИТЕРАТУРА:

Гранцева Н.А. Неизвестный рыцарь России. — СПб.: Изд-во «Журнал «Нева», 2015. 240 с.

Гранцева Н.А. Сказания русского Гомера. — СПб.: Изд-во «Журнал «Нева», 2012. 224 с.
Данилевский И., Уваров П. Рыцарство Средневековья // Знание — сила. 2012. № 4. С. 47–53.

Кондратенко Е.Н. Идеологические проксонимы в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование). Дис. ... канд. филол. наук. — Курск, 2014. 175 с.

Харченко В.К. Концепт «честь» в лирике В.Ф. Раевского // «Пенаты милые!.. Меня вы к родине скорее возвратите»: Первые литературно-краеведческие чтения, посвященные 220-летию В.Ф. Раевского. — Старый Оскол: ООО «Ассистент плюс», 2015. С. 19–23.